

Узжая
ЖЕНА

МегаМегафон

18+

МегаМегафон МегаМегафон

Чужая Жена

<https://litres.ru/74618702>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — бизнесмен на грани банкротства. Она — женщина, которую предал муж, произнеся трижды: «Ты разведена».

Их связал договор. Три месяца фиктивного брака. Он получит деньги и спасёт свою империю. Она получит свободу и сможет вернуться к прошлому. Они не должны прикасаться друг к другу. Они не должны смотреть в глаза. Они не должны чувствовать.

Но как устоять, когда её голос звучит как шёлк? Как не смотреть, когда её зелёные глаза пронзают насквозь? Как не прикоснуться, когда она — самое красивое создание, которое он когда-либо видел?

Она — чужая жена. Он — муж на три месяца.

Но запретный плод сладок. И трёх месяцев может не хватить, чтобы забыть прикосновение, которое изменило всё...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	50
Глава 9	54
Глава 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

МегаМегафон

Чужая Жена

Глава 1

Глава 1

Акмаль стоял в мечети и чувствовал только холод.

Не от камня — от собственного безразличия. Всё происходящее казалось ему спектаклем, в котором он был вынужденным актёром. Он смотрел на имама, на старейшин, на отца, который сидел в первом ряду с каменным лицом, и думал только о цифрах. О долгах. О том, как вернётся в Москву и вытащит свою компанию из ямы.

Она вошла тихо. Бесшумно.

Женщины расступились, и он увидел фигуру в белом хиджабе. Плотная ткань скрывала всё: лицо, волосы, даже руки. Только узкая прорезь для глаз. И он не стал вглядываться. Какая разница? Это просто формальность. Сделка на три месяца. Бумага. Контракт, скреплённый не подписями, а клятвой.

Она подошла и встала рядом. Он не взглянул на неё. Смотрел прямо перед собой, на имама, который уже раскрыл книгу.

— Ты согласен взять её в жёны по законам наших пред-

ков? — голос старика раздался ровно и торжественно.

— Да, — ответил Акмаль сухо. Ни тепла, ни эмоций.

— Ты согласна стать его женой, Алия?

Она молчала секунду. Потом сказала тихо, но твёрдо:

— Да.

Голос был нежным, но острым. Как лезвие, обёрнутое в шёлк. Акмаль не повернул головы. Ему было всё равно.

Имам произнёс молитву. Акмаль надел ей кольцо на палец — тонкий золотой ободок — и почувствовал, как её пальцы дрогнули. Но лишь на мгновение. Она сжала руку в кулак, будто хотела сбросить его прикосновение.

Церемония закончилась. Акмаль выдохнул. Всё. Теперь ждать, когда отец переведёт деньги, и можно жить дальше.

* * *

Флешбэк: три дня назад

— Я дам тебе деньги, сын. Но сначала — ты женишься.

— Ты знаешь, как я отношусь к браку, отец.

— Знаю. Поэтому это сделка. Три месяца. Она — дочь моего старого друга. Её муж произнёс «талак» трижды. Теперь она может вернуться к нему только после того, как выйдет замуж за другого. Ты станешь этим «другим».

— Я должен стать мужем женщины, чтобы потом она ушла к другому? Это унижительно.

— Это спасает её честь. И твой бизнес. Никто не должен знать, что это на три месяца. Три месяца, сын. А потом — ты свободен. Если после этого ты не захочешь жениться по-

настоящему, я больше никогда не скажу тебе ни слова о браке. Никогда. Подумай.

Акмаль сжал телефон. В трубке было тихо.

— Три месяца, — повторил он. — И я никогда не услышу от тебя этого слова?

— Клянусь.

— Хорошо. Я согласен.

* * *

Акмаль моргнул и вернулся в реальность.

Рядом стояла его жена. Её лица он так и не увидел. За всё время церемонии она не подняла глаз. Он даже не знал, какого цвета её волосы. Только заметил мельком, когда она поправляла хиджаб, — что-то тёмное. Может, чёрное. Может, каштановое. Какая разница.

— Поехали, — сказал отец, подходя к ним. — Ресторан ждёт.

В ресторане было шумно. Играла музыка, гости смеялись, произносили тосты. Акмаль сидел во главе стола рядом с Алией. Она сидела неподвижно, как изваяние. Её лицо всё так же было скрыто белым хиджабом. Только глаза. Он пару раз бросил взгляд — но она смотрела в стол. Опустив ресницы.

Он не слышал её голоса. Ни слова за весь вечер. Она не притронулась к еде — по крайней мере, он не видел. Иногда она чуть приподнимала платок у губ, чтобы сделать крошечный глоток воды из стакана, и тут же опускала его. Быстро.

Осторожно. Будто боялась, что кто-то увидит её лицо.

Акмаль вдруг почувствовал раздражение.

Что она прячет? Уродство? Шрамы? Или просто играет в недотрогу?

Он поймал себя на том, что смотрит на неё слишком долго. На её руки — тонкие, с длинными пальцами, которые сжимали край платка. На её шею — изящную линию, которую он видел лишь мельком, когда она наклонялась к стакану.

И тогда она подняла глаза.

Одно мгновение. Одна встреча взглядов.

И он увидел их цвет.

Зелёные.

Яркие, чистые, как горные родники после дождя. В них не было тепла. Не было интереса. Только холод. И что-то ещё — горькое, сломленное, но не сдавшееся.

Она тут же отвела взгляд, будто обожглась. Акмаль почувствовал, как внутри что-то шевельнулось. Не желание. Нет. Любопытство.

Что ты прячешь, Алия? Что ты скрываешь за этой тканью?

Он вспомнил слова отца: «Она умна. Красива. Горда. И она не хочет замуж».

Акмаль усмехнулся про себя. Ну что ж. Три месяца. Он узнает всё. Даже если она прячет лицо до конца, он узнает её тайны. Потому что любопытство всегда побеждало в нём безразличие.

Но он ещё не знал, что, когда он увидит её лицо, он забудет о своих деньгах, о своей компании, о своей ненависти к браку.

И что зелёные глаза будут сниться ему каждую ночь.

Глава 2

Глава 2

Ресторан остался позади. Гул голосов, музыка, тосты — всё растворилось в ночи, когда машина отца остановилась у высоких ворот старого дома. Акмаль вышел первым и открыл дверь перед Алией. Она выскользнула из салона бесшумно, как тень, прошла мимо него, даже не взглянув.

Он усмехнулся про себя. Ну и характер.

Дом встретил их тишиной. Только старые часы в коридоре отсчитывали секунды. Отец ушёл в свою половину, оставив их наедине. Акмаль провёл её в комнату — просторную, с высокой кроватью, застеленной белоснежным бельём, и старым кожаным креслом у окна.

Он остановился у двери, скрестив руки на груди.

— Давай будем честны друг с другом, — сказал он, и голос его прозвучал ровно, но не холодно. — Не будем усложнять жизнь. Три месяца — не такой долгий срок. Я знаю, зачем женился — компания. Ты знаешь, зачем согласилась — вернуться к своему бывшему мужу.

Он говорил спокойно, но в груди что-то шевельнулось. Напряжение. Или любопытство.

— Так что если тебе что-то понадобится — проси, не стесняйся. Я твой муж перед Всевышним, я дал слово. — Он сделал паузу. — Ложись спать здесь. Я пойду в другую комнату.

Он уже взялся за ручку двери, когда услышал голос:
— Стойте.

Акмаль замер.

Голос был как шёлк. Как тёплый ветер над горами. Как первая нота самой красивой песни, которую он когда-либо слышал. Нежный, чистый, проникающий прямо в душу.

Он медленно обернулся. Сердце билось быстрее, чем он готов был признать.

— Что? — спросил он хрипло. Он хотел услышать его снова. Ему нужно было услышать его снова. — Говори, что хочешь.

Она стояла у кровати, закутанная в белый хиджаб, и только глаза — те самые зелёные глаза — смотрели на него с лёгким вызовом.

— Я знаю, что мы оба знаем правду об этом браке, — сказала она тихо. — Но другие не знают. Что они подумают, если вы уйдёте в другую комнату в первую же ночь?

Акмаль задержал дыхание. Она была права. Соседи, слуги, его отец — все ждали, что они будут спать в одной комнате. Хотя бы для виду.

— Ты права, — ответил он, возвращаясь обратно и закрывая дверь. — Я останусь.

В этот момент зазвонил его телефон. Акмаль взглянул на экран — незнакомый номер. Он поднёс трубку к уху.

— Акмаль? — раздался мужской голос, жёсткий и наглый. — Выйди на улицу. Я жду тебя у ворот. Нам нужно погово-

ритель.

— Кто это? — спросил Акмаль, но в трубке уже сбросили.

Он нахмурился и вышел из комнаты, спускаясь по лестнице. Ночь встретила его холодным ветром. У ворот стоял мужчина — лет двадцати восьми, подтянутый, в дорогом костюме. Взгляд стальной, наглый. В нём чувствовалась порода. Может быть, военный. Может, кто-то из влиятельной семьи.

— Я её муж, — сказал незнакомец, даже не представившись. — Бывший. Ты знаешь, кто я.

Акмаль прищурился.

— Знаю. И что?

Мужчина сделал шаг вперёд.

— Я согласился на это представление только потому, что отец сказал: ты человек слова. Но запомни, Акмаль. — Он понизил голос до шёпота, в котором звенела угроза. — Не смей прикасаться к ней. Даже не смей смотреть на неё. Она — моя жена. Была и останется. Если ты прикоснёшься к ней хоть пальцем — это будет кровная месть. Ты меня понял?

Акмаль чувствовал, как в груди закипает гнев. Его рука сжалась в кулак. Он хотел поставить этого наглеца на место. Хотел сказать: «Она моя жена перед Всевышним, и я сделаю что захочу».

Но он сдержался.

— Через три месяца ты получишь её, — сказал он холодно. — А пока иди. И не приходи сюда больше. Ты наруша-

ешь границы.

Мужчина усмехнулся, развернулся и ушёл в темноту ночи, оставив Акмалю стоять с тяжёлым сердцем.

Какая-то она стала причиной такой страсти, — подумал он. — Что же в ней такого?

Он вернулся в комнату и замер на пороге.

На мгновение Акмалю показалось, что он перепутал дверь. Что он зашёл не в ту комнату. Он машинально обернулся — но нет. Та же дверь. Тот же коридор. Но комната...

Она стояла у окна, спиной к нему. Хиджаб был снят. Её волосы — длинные, чёрные, как крыло ночи, струились по плечам, касаясь тонкой талии. Она обернулась на звук его шагов.

Акмаль потерял дар речи.

Она была невероятной. Тонкие черты лица, большие зелёные глаза, которые сейчас смотрели на него не как на врага, а просто как на человека. Губы нежные, чуть приоткрытые. Кожа светлая, словно фарфор.

Он стоял и не мог вымолвить ни слова.

Теперь он понял, почему она прятала лицо. Почему её бывший муж сходил с ума от ревности. Почему он пришёл угрожать кровной мстью.

Она была не просто красива. Она была опасна. Как запретный плод, который нельзя трогать, но который хотелось сорвать до безумия.

— Это он звонил? — спросила она тихо, её ангельский

голос разбил тишину. — Мой бывший муж? Он вам что-то сделал?

Акмаль хотел ответить, но слова застряли в горле. Он просто смотрел на неё. И не мог оторваться.

Она нервно прошлась по комнате, кусая губу.

— Я знала, что он придёт, — сказала она.

— Он пришёл и ушёл. А ты... ложись спать. Нам утром лететь. Отдыхай.

Акмаль нашёл в себе силы сказать хоть это. Он отошёл к креслу, сел, сжимая виски. Выдохнул.

Какого дьявола она так красива? — пронеслось в голове.

Он выключил свет, она уже легла в постель, натянув одеяло до подбородка. Её глаза закрылись. Или она притворялась. Акмаль сидел в кресле и чувствовал, как мир переворачивается.

И как мне жить с ней под одной крышей? Как мне три месяца находиться рядом и не прикасаться?

Его осенило.

Отец знал. Он знал, что она прекрасна. Он специально выбрал её. Чтобы наказать меня. Как Адама с запретным яблоком. Сказал: «Всё можно, кроме этого» — и подкинул его прямо мне в руки.

Акмаль усмехнулся. Горько. Безднадёжно.

Он закрыл глаза, но перед ними всё ещё стояла она. Её волосы, её губы, её голос. И голос её бывшего мужа, который звенел угрозой: «Не смей прикасаться».

Три месяца, — сказал он себе. — Три месяца. Я выдержу.
Но он знал: он не выдержит. И через три месяца он не захочет отдавать её ни этому мужчине, никому другому.

Акмаль не знал, что отец не просто подкинул ему яблоко.
Он подкинул ему весь рай.

Глава 3

Глава 3

Я стою перед зеркалом в белом платье, и мне хочется разбить его вдребезги.

Моё отражение смотрит на меня чужими глазами. В этом платье я уже была однажды. Четыре месяца назад. Тогда оно казалось мне саваном. Сейчас — не лучше. Сейчас я снова невеста. Снова чья-то жена. Снова пешка в чужой игре.

Я ненавижу эту жизнь.

Она играет со мной, как кошка с мышью. Я вырвалась из одной клетки — и меня посадили в другую. Только клетка эта больше. И мужчина в ней... другой.

Я не знаю, что он за человек. Акмаль. Я видела его сегодня, в мечети, а потом в ресторане. Хиджаб плотно закрывал меня, но я чувствовала его взгляд. Один раз, когда я подняла глаза, я поймала его взгляд. Я видела это — холодный, оценивающий, мужской взгляд, который скользил по моей фигуре, хотя ткань скрывала всё. Я опустила глаза и больше не поднимала.

Ему было всё равно. Я для него — формальность. Сделка. Три месяца — и он уйдёт, получив свои деньги. А я...

Я должна буду вернуться к Ахмеду.

При одной мысли об этом у меня перехватывает дыхание. Я сжимаю край платья так сильно, что пальцы белеют.

Никогда. Я никогда не вернусь к нему.

Воспоминание. Четыре месяца назад.

Я никогда не хотела выходить замуж. Мне было двадцать, я училась, строила планы. Я хотела быть врачом. Я хотела помогать людям. Я хотела свободы.

А потом пришёл он. Ахмед.

Я увидела его впервые на семейном обеде. Он смотрел на меня так, будто я уже принадлежу ему. Его взгляд скользил по моей фигуре, по лицу. Я чувствовала себя голой. Грязной. Я отвернулась, но он не отставал.

Он узнал, кто мой дядя. Узнал, что он — единственный, кто может решать мою судьбу. И он сделал так, чтобы дядя был вынужден отдать меня ему.

Я не знаю, что он пообещал дяде. Деньги? Власть? Влияние? Я знаю только одно: через месяц после той встречи дядя сказал мне:

— Ты выйдешь за него замуж.

— Нет, — ответила я твёрдо.

— Это не обсуждается.

Я кричала. Я умоляла. Я говорила, что я ещё ребёнок, что я не готова. Дядя молчал. Он смотрел в стену и не видел меня. Не слышал.

— Ты выйдешь, — повторил он. — Иначе ты опозоришь нашу семью.

Я ненавидела его в тот момент. Ненавидела всю свою кровь, весь свой род, всю эту проклятую традицию, где сло-

во женщины ничего не значит.

Но я не сказала ему главного. Не сказала, почему я так боюсь Ахмеда.

То, о чём я молчала.

За год до того, как Ахмед пришёл к дяде, он изнасиловал мою подругу.

Мы учились вместе. Ей было восемнадцать. Она была красивой, весёлой, мечтала стать хорошим врачом. Ахмед пригласил её на свидание. Она согласилась — он казался галантным, богатым, щедрым. Он обещал ей помочь с карьерой.

Он изнасиловал её в своей машине после того, как она отказалась ехать к нему домой.

Я помню её глаза, когда она пришла ко мне на следующий день. Она плакала. Дрожала. Она рассказала мне всё. Я хотела пойти в полицию. Я хотела сказать дяде. Я хотела уничтожить его.

Но она остановила меня.

— Если я пожалуюсь, — сказала она, — меня опозорят. Мою семью опозорят. А он останется чистым. У него есть деньги. У него есть связи. Никто не поверит мне. Меня назовут шлюхой, которая хотела денег и передумала.

Я обняла её. Я плакала вместе с ней. Но я ничего не могла сделать.

Через неделю она уехала. Навсегда. Я получила от неё письмо. Я помню его наизусть:

«Прощай, Алия. Я не могу здесь оставаться. Я не могу

жить в одном городе с ним. Если я уеду, я смогу забыть. Хотя бы попытаться. Помни: все мужчины — животные. Не только Ахмед. Они смотрят на нас как на мясо, как на вещь, как на трофей. Никогда не доверяй им. Никогда не открывай им сердце. И знай: если ты когда-нибудь попадёшь в беду, ты всегда можешь приехать ко мне. Я буду ждать тебя. Твоя подруга навсегда».

Я сожгла письмо и поклялась, что никогда не позволю ни одному мужчине прикоснуться ко мне. Никогда.

Но судьба посмеялась надо мной. Я стала женой Ахмеда.

* * *

Бесконечные ночи.

Я не пускала Ахмеда в комнату. Он пытался. Он ломился в дверь, кричал, угрожал. А я стояла за дверью с ножом в руках.

— Если ты войдёшь, — сказала я ему в первую брачную ночь, — я перережу себе горло. Клянусь Всевышним, я сделаю это.

Он не поверил. Он попытался выбить дверь. Я приставила нож к горлу и нажала так сильно, что потекла кровь. Тонкая струйка, горячая, липкая. Он увидел кровь и остановился.

— Ты сумасшедшая, — сказал он.

— Да, — ответила я. — И я убью себя, если ты прикоснёшься ко мне. Ты получишь мой труп. Но не меня.

Он отступил. На ту ночь. И на все последующие. Я спала с ножом под подушкой. Я не снимала с себя одежду. Я не до-

веряла ему ни на секунду. Мои волосы были всегда скрыты, даже когда я была одна — я боялась, что он войдёт и увидит их. Он не имел права видеть их. Он не имел права ни на что.

Через месяц я нашла белый порошок. В его кабинете. Много. Целая гора. Он не заметил, что я вошла. Он был занят — он нюхал его, как животное, как человек, который продал душу.

Я не знаю, что нашло на меня. Ненависть. Страх. Отчаяние. Я схватила пакет и побежала в туалет. Он погнался за мной, кричал, но я успела высыпать всё в унитаз и спустить воду.

— Ты пожалеешь! — орал он, хватая меня за плечи. — Ты заплатишь за это!

Я смотрела ему в глаза и молчала. Я знала, что расплата будет ужасной. Он ударил меня по лицу я упала на пол. Но не плакала.

И расплата пришла в другой форме.

Он развёлся со мной. Он произнёс трижды: «Ты разведена со мной». Из ненависти. Из злости. Чтобы наказать меня. Он думал, что я буду умолять его взять меня обратно. Он думал, что я буду плакать.

А я чувствовала только облегчение. Свободу. Счастье.

Я свободна. Навсегда.

Настоящее время.

Я смотрю на себя в зеркало. Это платье — другого цвета. Этот дом — другой. Этот мужчина — другой. Акмаль.

Я видела его только в мечети. Его глаза. Тёмные, глубокие, с искрами стали. Он не смотрел на меня как на вещь. Он смотрел как на сделку. Как на бизнес-партнёра. Но я знаю, что он раздевал меня глазами. Я чувствовала это даже через плотную ткань хиджаба. Его взгляд скользнул по моей фигуре, оценил, измерил, отложил в памяти. Мужчины всегда так делают. Как моя подруга сказала: все мужчины — животные.

Он не знает меня. Он не знает, что я пережила. И я не скажу ему. Пока нет.

Но я приняла решение.

Я не вернусь к Ахмеду. Никогда. Если Акмаль не будет черствым чурбаном, если он будет уважать меня, если он окажется человеком... я сделаю всё, чтобы он не захотел отдавать меня.

Я соблазню его.

Да, я скажу это себе прямо сейчас. Без стыда. Без страха. Я использую свою красоту, свою женскую силу, свою хитрость. Я сделаю так, чтобы он влюбился в меня. Чтобы через три месяца он не захотел отпускать меня. Чтобы он сам сказал Ахмеду: «Она моя. Навсегда».

Я не люблю его. Я не знаю его. Но я знаю, что если я останусь одна, Ахмед найдёт способ забрать меня. Он не успокоится.

А я не хочу быть ему женой. Не хочу быть женой насильника.

Я хочу быть свободной. И если для этого мне нужно стать

настоящей женой Акмаля — я стану ею.

Я сжимаю пальцы в кулаки и смотрю на своё отражение.

— Ты справишься, Алиа, — говорю я себе. — Ты прошла через ад. Ты выжила. И ты выживешь снова.

Я улыбаюсь себе в зеркало. Улыбка выходит злой. Военственной.

Завтра мы летим в Москву. В его дом. В его жизнь.

И я сделаю так, чтобы он не захотел отпускать меня.

Глава 4

Глава 4

Первое утро

Я лежала в постели и не могла уснуть.

В комнате было темно, только лунный свет пробивался сквозь шторы, рисуя серебряные полосы на полу. Акмаль сидел в кресле у окна. Я слышала его дыхание — ровное, тяжёлое. Он не ложился. Он просто сидел и смотрел в темноту.

Мне было неловко.

Я лежала под одеялом, натянув его до самого подбородка. Я чувствовала себя голой, хотя была одета в длинную ночную рубашку. Но она была тонкой, почти прозрачной. Мои плечи, руки, ноги — всё это было открыто. Впервые за долгое время я была без хиджаба, без плотной ткани, которая скрывала меня от мира.

И он видел меня.

Я знала, что он смотрит. Даже в темноте я чувствовала его взгляд. Тяжёлый, мужской, изучающий. Я слышала, как он сглатывает. Как задерживает дыхание. Как напрягается каждая мышца его тела.

Мне было страшно. Но я не показывала этого.

Он же мой муж, — повторяла я про себя. — Пока что. Первый и единственный мужчина, который видит меня такой.

Я ждала, что он ляжет на кровать. Я приготовилась. Я хотела случайно прижаться к нему. Проверить как он поведёт себя.

Но я не дождалась. Я закрыла глаза — и провалилась в сон.

Я проснулась от тепла.

Медленно, сквозь дрему, я поняла, что моя голова лежит на чём-то твёрдом и тёплом. Я приоткрыла глаза и замерла.

Я спала на его плече.

Моя голова покоилась на его руке, а моя рука лежала на его животе. Я чувствовала, как он дышит. Ровно, глубоко. Он был в футболке — чёрной, обтягивающей, через которую я ощущала жар его тела.

Моё сердце забилося быстрее.

Как я здесь оказалась? — пронеслось в голове. — Я же заснула на своей стороне...

Но я не стала убирать руку. Я замерла, притворяясь спящей. Я хотела почувствовать это ещё немного. Его тепло. Его близость.

Я знала, что он скоро проснётся. И я решила: он должен увидеть меня.

Медленно, осторожно, я спустила лямку ночной рубашки. Ткань соскользнула с плеча, обнажая ключицу и чуть приоткрывая верхнюю часть груди. Я сделала это так тихо, что он не мог услышать. Только почувствовать, когда откроет глаза.

Я закрыла глаза и стала ждать.

Он проснулся через несколько минут.

Я почувствовала, как его тело напряглось подо мной. Сначала он не понял, где находится. Потом — понял.

Его дыхание сбилось. Сердце забилося быстрее — я чувствовала это, потому что моя голова лежала прямо на его груди. Он сглотнул. Я слышала, как он сглатывает. Как сдерживает дыхание.

Я чувствовала его взгляд. Он смотрел на меня. На моё открытое плечо. На край рубашки, который спустился так низко...

Он выругался сквозь зубы. Тихо, почти беззвучно:
— Чёрт...

Я не открывала глаз. Я ждала.

Он начал осторожно отодвигаться. Медленно, чтобы не разбудить меня. Убрал мою руку со своего живота. Приподнял мою голову, чтобы положить на подушку.

А потом накрыл меня одеялом. Заботливо. Плотно. До самого подбородка.

Я услышала, как он встал и пошёл в душ.

Когда дверь за ним закрылась, я открыла глаза и улыбнулась.

Он не продержится долго, — подумала я. — Я вижу, как он смотрит на меня. Как сглатывает. Как матерится. Он хочет меня. Он уже не скрывает этого.

Я встала с кровати, одёрнула рубашку и пошла в гардеробную. Я выбрала лёгкое платье — простое, но подчёркиваю-

щее фигуру. Длинные волосы я расчесала и оставила распущенными.

Я знала, что он не сможет оторвать от них глаз.

Я спустилась на кухню.

Я решила приготовить завтрак. Хотела, чтобы он видел меня — хозяйку, заботливую, нежную. Я включила чайник, достала чашки, разложила фрукты.

Я ждала его.

Он спустился через десять минут. Я услышала его шаги на лестнице, но не обернулась. Я стояла у плиты и помешивала овсянку. Я знала, что он остановился в дверях. Я знала, что он смотрит на меня. На мои волосы. На моё платье. На мои ноги, которые были открыты до середины бедра.

Я не оборачивалась.

— Доброе утро, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. — Вам налить чай?

Он молчал. Я обернулась и встретила с ним взглядом. Его глаза были тёмными, тяжёлыми, как у зверя. Он смотрел на меня, и я видела, как напряглись его челюсти.

— В доме есть прислуга, — сказал он сухо. — Они нальют.

— Ну что вы, мне не тяжело, — ответила я мягко.

Я подошла к нему с чашкой чая. Поставила её на стол и чуть коснулась его пальцев. Только на мгновение. Мой палец скользнул по его ладони — лёгкий, почти невесомый, как перо.

Я почувствовала, как он вздрогнул. Как его дыхание пе-

рехватило.

— Сахар? — спросила я, поднимая на него глаза. Мои ресницы дрогнули.

— Нет, — ответил он хрипло. — Спасибо.

Я улыбнулась и отошла к плите. Я чувствовала, как он смотрит мне вслед. Как его взгляд скользит по моей фигуре, по моим волосам, по моим ногам.

— Слушай, — сказал он вдруг. — Давай на «ты». Что за «вы»? Ты моя жена. То есть мы союзники. Партнёры. Так будет проще.

Я замерла на мгновение. Потом медленно обернулась и посмотрела на него. В его глазах не было насмешки. Только усталая решимость.

— Хорошо, — ответила я тихо. — Договорились.

Он кивнул и отвернулся к окну, делая глоток чая. Я стояла у плиты и чувствовала, как внутри разливается странное тепло. Мы союзники. Партнёры. Это звучит лучше, чем «муж и жена».

Я решила проверить его. Посмотреть, как далеко он готов зайти.

Я подошла к верхнему шкафчику и встала на цыпочки, делая вид, что пытаюсь достать банку с мёдом. Я знала, что мёда там нет. Я знала, что он стоит на нижней полке. Но я хотела, чтобы он увидел, как платье поднимается выше, оголяя мои бёдра. Хотела, чтобы он не мог оторвать взгляд.

Я потянулась, чувствуя, как ткань скользит вверх по моим

ногам. Я знала, что он смотрит. Я чувствовала его взгляд — горячий, тяжёлый, как прикосновение.

Внезапно я услышала его шаги. Он подошёл сзади, почти вплотную. Я замерла. Его рука потянулась к шкафчику, и он легко достал банку, которая была на самой верхней полке. Но он не сразу отдал её. Он стоял так близко, что я чувствовала его дыхание на своей шее.

— Мёд, — сказал он, и голос его звучал низко и хрипло. — Ты искала это?

Я медленно обернулась. Мы стояли почти вплотную. Его глаза смотрели на меня, тёмные, глубокие. Я видела, как он сглатывает. Как его взгляд скользит по моему лицу, по моим губам, по моей шее.

— Спасибо, — прошептала я.

Он смотрел на меня секунду. Две. Три. Потом сделал шаг назад, отдавая мне банку.

— Не нужно было тянуться, — сказал он, и голос его прозвучал резче, чем он хотел. — Могла просто попросить.

— Теперь буду знать, — ответила я с лёгкой улыбкой.

Я села за стол напротив него и сделала глоток чая. Горячий, сладкий.

— Ты не спал всю ночь? — спросила я тихо. — Я видела, ты сидел в кресле.

Он поднял на меня взгляд. Сначала хотел ответить резко. Потом передумал.

— Заснул только под утро, — сказал он. — Ты... — он

запнулся, — ты спала спокойно?

— Да, — ответила я честно. — Впервые за долгое время.

Он смотрел на меня секунду. Потом отвёл взгляд и отпил чай.

Я знала: он думает о том, что было ночью. О том, как я лежала на его плече. О том, как его сердце билось под моей головой. О том, как он смотрел на мои плечи, на мою грудь. И о том, как он стоял ко мне вплотную, чувствуя тепло моего тела.

Он сходит с ума.

И это только начало.

Глава 5

Глава 5

Я стоял в дверях спальни и смотрел на неё.

Она поправляла хиджаб перед зеркалом. Светлый, почти белый, с лёгкой вуалью, которая падала на плечи. Она выбрала его специально — я знал это. Она хотела, чтобы я смотрел. И я смотрел.

Я никогда не любил хиджаб. Всегда считал, что он скрывает женскую красоту, делает женщин безликими. Но на ней... на ней он смотрелся просто бесподобно. Ткань подчёркивала её глаза, делала их ярче, глубже. Я не мог оторвать взгляд.

Она улыбнулась в отражение, и я понял, что она знает. Она знает, что я смотрю. Она знает, что не могу остановиться.

Чёрт, — подумал я. — Это только начало. А я уже теряю контроль.

* * *

Мы спустились вниз, где нас ждал отец. Он сидел в кресле, попивая чай, и смотрел на нас тяжёлым, оценивающим взглядом.

— Акмаль, — сказал он тихо. — Подойди.

Я шагнул к нему. Алия отошла к окну, делая вид, что рассматривает сад. Но я знал: она слышит всё.

Отец наклонился ко мне и прошептал так, чтобы слышал

только я:

— Знай, сын. Она — твоя жена. Ты можешь не отдавать её.

Я замер. Слова отца повисли в воздухе, тяжёлые, как камни. Я смотрел на него и не находил что сказать. Только кивнул, сжав челюсть.

— Я понял, — ответил я тихо.

Отец удовлетворённо кивнул и отпустил меня. Я отошёл, чувствуя, как в груди разрастается странное, чужое чувство.

Она — твоя жена. Ты можешь не отдавать её.

Но я же не хочу её. Я хочу только свободу. Так почему же эти слова отца звучат как разрешение? Почему я чувствую облегчение?

* * *

Мы ехали в аэропорт в молчании. Я смотрел в окно, стараясь не думать о ней. Но она сидела рядом, и я чувствовал её запах — цветы и что-то сладкое, как мёд.

В зале ожидания я заметил чужие взгляды. Мужчины смотрели на неё. Кто-то нагло, кто-то украдкой. Она стояла в стороне, скромно опустив глаза, но даже это не скрывало её красоты.

Мне это не нравилось. Я чувствовал, как в груди закипает раздражение. Мои руки сжались в кулаки.

Почему я злюсь? — спросил я себя. — Она мне никто. Просто партнёр по сделке.

Но я знал, что это неправда. Она была моей женой. Моей.

И я не хотел, чтобы кто-то смотрел на неё.

* * *

Мы сели в самолёт. Я устроился в кресле и закрыл глаза, надеясь уснуть. Но она рядом, и я чувствую её напряжение. Она дышит часто, мелко.

Я открыл глаза и посмотрел на неё. Она прикрыла глаза, но я видел, как дрожат её ресницы. Как она сжимает подлокотник так, что побелели костяшки.

— Ты в порядке? — спросил я, наклоняясь к ней.

Она открыла глаза. В них был страх. Настоящий, неподдельный.

— Я... — она запнулась, — первый раз в самолёте.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то смягчается. Она такая сильная, такая гордая. Но здесь — напуганная девочка.

— Можешь взять меня за руку, если боишься, — сказал я.

Я не ждал, что она согласится. Но она схватилась за мой локоть. Её пальцы вцепились в ткань пиджака. Я взял её ладонь и опустил на подлокотник. Она переплела наши пальцы, сжимая их мёртвой хваткой.

Я чувствовал, как она дрожит. Как её сердце бьётся быстрее. И я ничего не сказал. Просто держал её за руку.

* * *

Мы прилетели в Москву. Шум, толпы, чужие лица. Я вышел из самолёта и почувствовал облегчение. Дома. Наконец-то.

Я сделал несколько шагов и почувствовал, что кто-то тянет меня назад. Я обернулся. Она вцепилась в мой пиджак, сжимая ткань так крепко, что побелели её костяшки.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Я боюсь потеряться, — сказала она, и голос её дрожал.

— Ты же меня не сможешь узнать среди стольких людей.

Я смотрел на неё. Она сказала это так искренне, что я невольно усмехнулся. Она боится, что я не узнаю её. Боится, что я оставлю её здесь, среди чужих.

— Ты серьёзно? — спросил я.

Она кивнула, не отпуская мой пиджак.

Я вздохнул и взял её за руку. Её ладонь была тёплой, мягкой. Я повёл её через толпу, прокладывая путь. Она шла за мной, как за спасителем.

Мы подошли к эскалатору. Я отпустил её руку и ступил на движущуюся ступеньку. Обернулся.

— Ты голодна? — спросил я. — Хочешь поесть?

Я обернулся и посмотрел вниз. Её не было рядом. Она стояла внизу, растерянная, и смотрела по сторонам. Как испуганный зверёк, который не знает, куда бежать.

Я выдохнул. Покачал головой.

— Нет, — сказал я сам себе. — Ну ты серьёзно?

Я спустился вниз. Подошёл к ней.

— Ты что здесь стоишь?

Она смотрела на меня, и в её глазах была растерянность.

— Я... я... это...

— Пошли, — сказал я и взял её за руку. — Ставишь ногу вот так, — я показал, — и держишься за перила. Поняла?

Она сделала, как я сказал. Встала на ступеньку, вцепилась в мою руку мёртвой хваткой.

Я почувствовал, как уголки моих губ дрогнули. Я отвернулся, чтобы она не видела. Но я улыбался.

Она смешная, — подумал я. — Такая сильная, а боится эскалатора.

Мы прошли несколько шагов, когда я почувствовал, как её рука резко вырвалась из моей. Я обернулся.

Ахмед.

Он стоял перед ней, схватив за плечо. Его глаза горели ненавистью. Он что-то говорил ей, но я не слышал. Я видел только, как она сжимается от страха. Как её лицо бледнеет.

— Акмаль! — крикнула она.

Я пошёл к ним быстрыми шагами. В груди закипала ярость. Холодная, тягучая, как расплавленный свинец.

— Ты что творишь? — рявкнул я, подходя вплотную. — Отпусти её.

— Я тебе что сказал? — прошипел Ахмед, не отпуская её плечо. — Не смей касаться её. И даже не смей смотреть на неё.

Я смотрел ему в глаза. В его взгляде была ненависть. И страх. Он боялся, что я могу забрать её у него.

— Она моя жена, — сказал я, и мой голос был стальным, как лезвие. — Если ты ещё раз появишься в моей жизни, я

никогда не отдам её. Так что не смей касаться её, пока она — моя жена. Ты меня понял?

Я схватил его за запястье и резко разжал пальцы, оттаскивая её к себе. Она спряталась за моей спиной. Я чувствовал, как она дрожит.

Ахмед смотрел на меня с ненавистью. Он хотел сказать что-то, но сдержался.

— Ты заплатишь за это, — сказал он и развернулся, исчезая в толпе.

Я повернулся к ней. Она стояла с опущенной головой. Её плечи дрожали.

— Всё хорошо, — сказал я, и мой голос стал мягче. — Он ушёл. Ты в порядке?

Она подняла на меня глаза. В них стояли слёзы.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Ты... ты защитил меня.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри всё переворачивается. Она смотрела на меня как на героя. Как на того, кто спас её от монстра.

Она моя жена, — подумал я. — Моя ответственность.

— Пошли, — сказал я, протягивая ей руку.

Она взяла её без колебаний. Её пальцы переплелись с моими.

Я повёл её через зал, чувствуя, как она прижимается ко мне. Как ищет защиту.

И в этот момент я понял: я не смогу отдать её. Ни через

три месяца. Никогда.

Она — моя.

Глава 6

Глава 6

Я забыл о ней.

Весь день я пропахал в офисе, как буйвол на пахоте. Бумаги, звонки, переговоры, кредиты, новые контракты — голова шла кругом. Отец перевёл деньги, и я должен был спасти свою империю. Я работал как одержимый, не поднимая головы до самого вечера.

И только когда лифт поднимал меня к моей квартире, я понял: я ничего не ел весь день. Я голоден как волк. И в доме — ни хлеба, ни мяса. Заказывать? Я слишком устал. Слишком вымотан, чтобы даже достать телефон. Ноги гудели, глаза слипались, голова раскалывалась на части.

Я вышел из лифта, нашаривая ключи в кармане. Дверь открылась, и я замер.

Квартира пахла едой. Горячей, наваристой, домашней. Запах мяса, специй, свежего хлеба. Я провёл рукой по лицу, думая, что у меня галлюцинации — я же не ел со вчерашнего дня. Но запах был реальным. На кухне горел свет.

И она стояла у плиты.

Она обернулась, и на её лице появилась тёплая улыбка. В этой улыбке было что-то такое, от чего у меня на секунду перехватило дыхание.

— Ты пришёл, — сказала она, и голос её звучал мягко,

как шёлк. — Я ждала тебя.

Я смотрел на неё и не мог вымолвить ни слова. На столе стояла горячая еда. Суп с мясом, второе с овощами, чай в чайнике. Всё приготовлено. Для меня. Чужая женщина, которая должна была быть просто формальностью, приготовила мне ужин.

— Я... — я запнулся.

— Помой руки, — сказала она, и в голосе её звучала мягкая настойчивость. — Я поставлю еду.

Я стоял в прихожей, сжимая ключи в руке, и чувствовал себя... растерянным. Впервые за долгое время я не знал, что сказать. Этот запах, эта женщина, этот дом, который вдруг стал тёплым... Мои мозги отказывались это переваривать.

— Зачем? — спросил я хрипло, с вызовом. — Ты же мне никто.

Она посмотрела на меня. В её глазах мелькнула тень боли — короткая, как вспышка. Но она быстро спрятала её за улыбкой.

— Иди мой руки, — повторила она спокойно. — Еда остынет.

Я бросил пиджак на диван, как тряпку, и пошёл в ванную. Включил холодную воду, плеснул в лицо. Посмотрел на себя в зеркало. На меня смотрел мужчина с тёмными глазами, в которых горело что-то дикое. Что-то, что я пытался подавить.

Что она делает? Зачем? Чего она добивается?

Я провёл мокрыми руками по лицу. Внутри всё горело. Я не знал: голод ли это — или она. Голод по еде — или голод по ней, по этой женщине, которая стояла у плиты в моём доме и смотрела на меня так, будто я — весь её мир.

Я вышел на кухню и сел за стол. Она поставила передо мной тарелку дымящегося супа. Пахло так, что у меня свело челюсть. Я не помнил, когда в последний раз ел домашнюю еду. Годами я питался в ресторанах или заказывал доставку. Дома никого не было. И никогда не было.

— Ешь, — сказала она и села напротив, глядя на меня с лёгкой улыбкой.

Я взял ложку. Сделал первый глоток. Вкус был... невероятным. Таким настоящим, домашним, тёплым. У меня на секунду зажмурились глаза.

Я молчал. До последней капли.

Она убрала тарелку и поставила горячее мясо с овощами. Я ел молча, чувствуя, как с каждой минутой что-то меняется во мне. Как лёд в груди начинает трещать. Как я перестаю контролировать себя.

— Спасибо, — сказал я, вставая из-за стола. Голос был глухой, как камни в ущелье. — Не надо было.

— Я хотела, — ответила она просто.

Она вышла из кухни и пошла в спальню. Я не обратил на это внимания. Я был слишком уставшим и сытым, чтобы думать. Голова гудела, в висках стучало. Я направился к себе в комнату. Снял галстук, расстегнул верхние пуговицы ру-

башки.

Я открыл дверь и замер.

Я не узнал свою комнату.

На кровати лежало новое постельное бельё. Нежное, шёлковое, с лёгким узором. Пахло лавандой и чем-то цветочным. На тумбочке стояла ваза с живыми цветами — белыми розами.

И она стояла посреди комнаты.

В длинной ночной рубашке, поверх которой был накинут лёгкий халат. Волосы распущены — чёрные, как вороново крыло, струятся по плечам, касаются талии. Она смотрела в пол, не поднимая глаз. Её пальцы нервно теребили край халата.

У меня перехватило дыхание. В груди застыло что-то тяжёлое, горячее, незнакомое.

Я сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Я приблизился к ней вплотную — так, что чувствовал её запах. Цветы, лаванда, что-то сладкое. Она не отступила. Я смотрел на неё сверху вниз, чувствуя, как кровь стучит в висках.

Она была прекрасна. Не просто красива — прекрасна до боли, до безумия. До дрожи в руках. Я не мог описать эту красоту словами. Только чувствовать, как она сводит меня с ума. Как каждая её чёрточка, каждый изгиб тела заставляет меня терять контроль.

— Зачем это всё? — спросил я, и голос мой прозвучал низко, как рык. — Мы же только союзники.

Она молчала. Смотрела в пол. Я видел, как дрожат её ресницы. Как она борется с собой.

— Ты решила соблазнить меня, чтобы я нарушил слово? Чтобы я забыл про обещание?

Она подняла глаза. Большие, зелёные, влажные. В них был страх. И что-то ещё — гордость.

— Ты мой муж, — сказала она, и голос её дрогнул. — По исламу. Я не могу спать спокойно, пока не буду знать... хочешь ли ты меня или нет.

Я сжал кулаки. Кровь стучала в ушах.

— А если хочу? — спросил я жёстко. — Что тогда?

Она сглотнула. Её пальцы коснулись моей щеки — лёгкие, как перо. Скользнули к шее, остановились на пульсе. Я чувствовал, как моя кровь бешено бьётся под её пальцами.

— Тогда покажи мне, — прошептала она. — Покажи мне, что я нужна тебе.

Я смотрел на неё. И в голове крутилось одно: я обещал, что верну её. Я не могу нарушить слово. Но она — моя жена. Перед Всевышним. Перед людьми. Моя.

— Ты хочешь меня? — спросил я, не двигаясь. Голос мой был низким, хриплым, как наждак.

Она смотрела в мои глаза. Не отводила взгляда.

— Да, — сказала она. — Безумно хочу.

Я закрыл глаза. Внутри всё горело, кричало, требовало её. Каждая клетка моего тела хотела взять её, прижать к себе, забыть обо всём на свете.

— Но я не могу, — выдавил я.

Я отступил на два шага, разрывая расстояние между нами. Сделал это так резко, что она вздрогнула.

— Ложись спать здесь, — сказал я, чувствуя, как каждое слово вырывают из меня кусок. — Я пойду в другую комнату.

Я развернулся и вышел, не оборачиваясь.

Закрыв за собой дверь и прислонился к стене. Сердце колотилось так, что я слышал его в ушах. Я сжал челюсть, до скрежета зубами.

Что ты делаешь, идиот? — кричал я себе. — Она — твоя жена. Ты можешь взять её. Ты хочешь её. И она хочет тебя. Она сама сказала это.

Но я не мог. Я дал слово. Я обещал отцу. Я обещал Ахмеду, что верну её через три месяца.

Я ударил кулаком по стене. Так, что хрустнули костяшки.

— Чёрт, — прошипел я.

Я не продержусь три месяца. Я сойду с ума.

Она — чёртова чужая жена. Но она сводит меня с ума.

Глава 7

Глава 7

Я открыл глаза и не сразу понял, где нахожусь.

Диван в гостиной. Жёсткий, неудобный. Я заснул здесь, потому что не мог лежать в спальне — там пахло ею. Я провёл рукой по лицу и сел.

И замер.

Она стояла на коленях на коврик у окна. Свет утреннего солнца падал на неё, окутывая золотым ореолом. Её руки были подняты к небу, ладони раскрыты. Она молилась.

Я смотрел на её губы — они шевелились, произнося слова, которые я не слышал. На её глаза — закрытые, но я видел, как дрожат ресницы. В них была мольба. Она просила у Всевышнего что-то очень важное. Что-то, что вырывалось из самой глубины её души.

Она закончила молитву и опустила руки. Провела ладонями по лицу. Потом начала снимать платок с головы.

— Что ты так настырно просила у Всевышнего? — спросил я. Голос мой прозвучал хрипло, как после долгого сна.

Она замерла. Её волосы развязались и упали на плечи — чёрные, длинные, как ночь. Она повернулась ко мне и посмотрела прямо в глаза.

— Тебя, — сказала она просто. — Я просила у Всевышнего тебя.

Я не знал, что сказать. Я не думал, что она может сказать мне такое. Я думал, что это всё игра. Стратегия. Чтобы я не отдал её Ахмеду. Но в её глазах была такая искренность, такая чистота, что у меня перехватило дыхание.

Сказать, что её слова тронули мою душу — ничего не сказать. Она разбила меня в пух и прах.

Я сглотнул. Сел на диван, протирая лицо руками.

— Ты... — начал я и запнулся. — Ты вчера ходила за продуктами?

— Да, — ответила она, и в голосе её слышалось удивление. — У меня не было твоего номера, чтобы спросить разрешения.

— Нет, я не поэтому спрашиваю, — сказал я, вставая. — На тумбочке я положил карту. Пользуйся ей.

Я подошёл к ней. Она смотрела на меня, не понимая.

— Это не только по дому, — добавил я. — Если тебе что-то понадобится — пользуйся ей. Если не будет хватать — позвонишь мне.

Она взяла карту. Посмотрела на неё, потом на меня. Подошла ближе, положила руку на моё плечо, стала на цыпочки и поцеловала в щёку. Лёгкий, тёплый поцелуй.

— Спасибо, — сказала она и улыбнулась.

У меня перехватило дыхание. Я сглотнул.

— Не надо благодарить, — ответил я сухо, отворачиваясь. — Я несколько дней буду занят. Потом покажу тебе город. А пока гуляй по близости, чтобы не потеряться.

Я улыбнулся, вспомнив её реакцию в аэропорту. Она заметила.

— Ты смеёшься надо мной? — надула она губы, скрестив руки у груди.

Господи, какая же она красивая, когда дуется.

Я улыбнулся шире.

— Чёрт, мне сейчас же надо уходить, — сказал я.

Я ушёл в спальню переодеться, вышел. На столе стоял завтрак. Свежий, горячий. Она стояла у плиты, улыбалась. Светилась, как будто вчера ничего не произошло. Как будто она не стояла передо мной в ночной рубашке и не просила прикоснуться к ней.

Я хотел уйти. Не оглядываться.

— Стой, — услышал я её голос. — Куда ты?

— У меня дела, — ответил я, не оборачиваясь.

— А позавтракать?

— В офисе поем.

Я уже взялся за дверную ручку, когда услышал, как она села на стул. Я обернулся. Она сидела с обиженным видом, надув губы.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — ответила она и начала убирать со стола. — Ты уедешь. Я не люблю есть одна. Ты езжай по делам.

Я видел её грустные глаза. Недовольно надутые губы. Она что-то бормотала под нос, ставя тарелки обратно.

Ладно, — подумал я. — Чёрт с ними, с делами. Пятна-

дцать минут ничего не решат.

— Ладно, — сказал я, снимая пиджак. — Я поем с тобой. Ставь обратно.

Она ожила в одно мгновение. Как юла, она всё быстро поставила на место. Налила чай, села напротив. Строила мне глазки, улыбалась, ела.

Мы говорили. Где учились, о семье, о том, что любим. Я не спрашивал об Ахмеде — она сама не говорила. Но я спросу. Я должен знать. Я должен знать, что с ней сделали, чтобы осознать, кто передо мной.

Прошло пятнадцать минут. Я встал.

— Спасибо, — сказал я. — Было очень вкусно.

— Тебе спасибо, — ответила она, улыбаясь. — Что поел со мной. И за карту. И за то, что не запираешь меня.

Я смотрел на неё.

— Что? — спросила она.

— Не знаю, — сказал я с усмешкой. — Может, тебе придёт в голову ещё за что-то поблагодарить меня.

Она засмеялась. Звонко, открыто, показывая ровные белые зубы. Ослепительно. Завораживающе. Умопомрачительно. Я даже не знаю, как ещё описать этот смех — он проник в самую душу, выворачивал её наизнанку.

— Пока что всё, — сказала она, всё ещё улыбаясь. — Можешь идти.

Я пошёл к двери.

— Акмаль... — услышал я.

Я обернулся.

— Не переусердствуй там, — сказала она. — И я буду ждать тебя.

Чёрт возьми. Зачем она это делает? Зачем?

Я вышел, закрыл дверь. Прислонился к косяку и закрыл глаза.

Всё, что я помнил за день — это её смех. Её глаза. Её поцелуй на моей щеке. Её ночной вид.

Она не выходила из моей головы.

Весь день я работал как робот. Подписывал бумаги, разговаривал с партнёрами, решал проблемы. Но я слышал только её голос. Видел только её улыбку. Всё валилось из рук, я путал документы, забывал, о чём говорил.

Что происходит? — спрашивал я себя. — Почему она не выходит из головы? Почему сердце бьётся быстрее, когда я думаю о ней?

Я хотел домой. Я хотел к ней. И это было неправильно.

Я освободился раньше, чем планировал. Сел в машину, завёл двигатель. Тронулся. Я хотел домой. Я хотел к ней.

Но моя рука повернула руль не в сторону дома.

Я не мог. Это было слишком. Она сводила меня с ума. Я должен был остыть. Забыть её. Хотя бы на несколько часов.

Я приехал в клуб. Музыка, гам, полумрак. Знакомые девушки окружили меня, как только я вошёл. Они смеялись, говорили, касались меня. Я смеялся в ответ, говорил с ними, но в голове была она. Что она делает сейчас? Ждёт ли меня?

Пока я думал, я не заметил, как одна из девушек села ко мне на колени. Она прижалась, обняла за шею. Я чувствовал её запах — слишком сладкий, чужой. Она начала целовать меня.

Я отвечал. Прижал её к себе, вцепился в её талию. Музыка гремела. Тьма и шум. Всё, что я любил когда-то. Всё, что приносило мне удовольствие.

Но я чувствовал только пустоту.

Я резко оттолкнул её. Встал и пошёл к выходу. Девушка кричала мне вслед, но я не слышал. Я вышел на свежий воздух и глубоко вдохнул. Дышал тяжело, как после долгой погони.

Чёрт. Какого чёрта она засела в моей голове?

Я сел за руль и поехал домой.

Я тихо зашёл в квартиру, чтобы не разбудить её, если она спит.

Везде было тихо. Я подумал, что она легла спать — умно, правильно. Я прошёл в гостиную и остановился.

Она сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Спала.

Ждала меня и заснула.

Я шагнул к ней, но не заметил ножку столика и ударился о неё. Громкий стук разнёсся по комнате. Она вскочила.

— Прости, — сказал я. — Не хотел будить.

— Ты пришёл, — прошептала она, улыбнувшись. — Ты голодный? Пойдём, я покормлю тебя.

— Нет, — ответил я. — Я поел.

Она встала и подошла ко мне. Её глаза смотрели в мои.

— Я же сказал не ждать меня, — сказал я тихо. — Почему ты здесь?

— Я хотела, — ответила она просто. — Я хотела с тобой поужинать.

Она остановилась рядом со мной. Смотрела на моё лицо. Потом перевела взгляд на мой воротник. Подняла руку и взяла его.

Я замер.

Она смотрела на воротник рубашки. Потом на меня. Потом снова на рубашку. Потом снова на меня.

В её глазах появились слёзы. Но ни одна не пролилась. Она смотрела на меня с такой болью, что у меня сердце сжалось.

— Алия... — начал я.

Она развернулась и побежала в комнату. Хлопнула дверью. Я услышал щелчок замка.

Я развернулся и посмотрел в зеркало.

На моём воротнике была помада. Яркая, красная. Чужая.

Я закрыл глаза.

— Дьявол, — прошептал я одними губами.

Я упал в кресло. Не знаю, сколько я сидел так. Минуты. Часы. Смотрел в одну точку и не мог дышать.

Что я наделал? — спрашивал я себя. — Она ждала меня. Приготовила ужин. Заснула на полу, потому что хотела

встретить меня. А я...

Всё внутри сжалось в тугой узел.

Я встал и пошёл к её комнате. Не знаю, как мои ноги понесли меня туда. Я просто шёл. Стучал в дверь. Слышал, как она плачет за ней.

— Алия, — сказал я. — Открой.

Ничего.

— Открой, — повторил я. — Пожалуйста.

Тишина.

Я прислонился к двери.

— Я не могу, — сказал я одними губами. — Я не могу, если ты плачешь.

Глава 8

Глава 8

Я стоял у двери, слушая её плач.

Сердце разрывалось на части. Я слышал, как она всхлипывает, как сдерживает дыхание. Каждый звук пронзал меня острее ножа.

Я не выдержал.

Я достал ключи. Вставил в замок. Повернул. Дверь открылась.

Она сидела в углу комнаты, прижав колени к груди. Плакала. Её волосы были мокрыми от слёз, лицо покраснелось, глаза опухли. Она не поднимала на меня взгляда.

Я сделал шаг вперёд. Она услышала — подняла голову. Увидела меня и вскочила. Хотела пробежать мимо меня в ванную.

Я схватил её за руку.

Она остановилась. Я чувствовал, как её рука дрожит в моей ладони.

— В чём дело, Алия? — спросил я, и голос мой был низким, хриплым. — Мы же договорились. Мы союзники. У каждого свои интересы. Так почему ты делаешь всё это? Зачем готовишь, ждёшь, не спишь, улыбаешься? Зачем пытаешься свести меня с ума?

Она молчала. Только слёзы катились по её щекам.

— И эти слёзы, — продолжал я. — Почему ты их проливаешь? Что я тебе сделал? Что я тебе такого сделал, чтобы ты плакала?

Она отдернула руку. Резко, как от огня.

— Ты прав, — сказала она. Голос дрожал, но в нём звучала сталь. — Я не должна была ничего делать. Я тебе никто. Больше не повторится. Ничего из этого. Можешь жить, как хочешь. Уйди. Выйди из моей комнаты.

— Это моя комната, — сказал я.

— Теперь моя, — ответила она с вызовом. — На три месяца.

Она отвернулась, собираясь уйти.

— Не прикасайся ко мне, — сказала она. — Все вы одинаковые. Все.

Я смотрел на неё, чувствуя, как внутри всё рушится. Как её слова разрывают меня на части.

Я подошёл к ней сзади. Обнял. Мои руки сомкнулись вокруг её талии. Она замерла.

— Пусти, — сказала она. — Не смей меня трогать после этой... той...

Она не знала, как сказать. Какое слово подобрать.

Я развернул её. Схватил её лицо в ладони. Посмотрел в её мокрые глаза. И поцеловал.

Она била меня кулаками в грудь. Отталкивала. Боролась. Но я только сильнее прижимал её к себе. Только глубже целовал. Её губы были мокрыми от слёз, солёными. И я пил

их, как воду в пустыне.

— Я ни с кем не был, — прошептал я ей в губы, отстраняясь на мгновение. — Ни с кем. Это неправда, что ты видела.

— Не ври, — прошептала она, всё ещё плача и ударяя меня кулаками в грудь. — Не ври мне...

Я обнял её крепче. Прижал к себе так, что она не могла дышать.

— Я не знаю, что ты со мной делаешь, — сказал я в её волосы. — Твоя красота сводит меня с ума. Я не могу. Я не должен смотреть на тебя. Ты — мой запретный плод, к которому я не могу прикоснуться.

Она заплакала ещё сильнее. Всхлипывала, уткнувшись в мою грудь. Я чувствовал, как дрожит её тело. Как она сжимает мою рубашку в кулаках.

Я отстранился. Посмотрел на неё. Слёзы текли по её щекам, падали на пол.

— Давай не будем усложнять жизнь, — сказал я тихо. — Давай не будем. Живи здесь как квартирантка. А я буду твоим соседом.

Она подняла на меня глаза. В них была боль. И надежда. И страх.

— Не смотри на меня, — сказал я. — Не улыбайся мне. Не жди меня.

Я провёл большим пальцем по её щеке, стирая слезу.

— Ты не принадлежишь мне, — сказал я, и голос мой дрогнул. — Я дал слово, что отдам тебя. Я не могу нарушить

его.

Она смотрела на меня. Молчала.

— Ты слышишь меня? — спросил я.

Она кивнула. Её губы дрожали.

— Хорошо, — сказал я. — Ложись спать. Завтра всё будет по-другому.

Я развернулся и вышел.

Я закрыл дверь и прислонился к стене. Провёл рукой по лицу. Губы горели — я всё ещё чувствовал её вкус. Солёный от слёз. Сладкий от неё.

Что я делаю? — спрашивал я себя. — Я только что поцеловал её. Я сказал, что не могу прикасаться, и поцеловал.

Я ударил кулаком по стене.

Чёрт. Я обещал, что верну её. А сам не могу смотреть на неё без желания.

Я слышал, как она плачет за дверью. Как всхлипывает, пытаясь успокоиться.

— Прости, — прошептал я. — Прости меня, Алиа.

Я не знал, что я делаю. Я не знал, куда это всё приведёт. Но я знал одно: я не могу отдать её. Ни через три месяца. Никогда.

Я хотел её. Я хотел её больше, чем хотел когда-либо что-то в жизни.

И это было самым большим наказанием.

Я буду держаться от неё подальше сколько возможно. Сказал он себе, хотя знал что это невозможно.

Глава 9

Глава 9

Я лежала на кровати и смотрела в потолок.

Темнота комнаты давила на меня. Я слышала, как за стеной он ходит, как дышит, как не может уснуть. И я не понимала, что со мной происходит.

Почему я плачу? — спрашивала я себя. — Почему мне больно? Почему я думаю, что он изменил мне?

Он мне никто. Мы заключили сделку. Три месяца — и он уйдёт, я уйду. Я должна была просто соблазнить его. Сделать так, чтобы он влюбился и не отдал меня Ахмеду.

Но вместо этого я сама соблазнилась.

Я закрыла глаза, и передо мной встала картина: он стоит в дверях спальни, смотрит на меня, как на запретный плод. Сглатывает. Сжимает кулаки. Уходит, потому что дал слово.

Я вспомнила, как сидели за одним столом. Как смотрел, когда я ела. Как улыбался, когда я строила ему глазки. Его взгляд, когда я сказала: «Тебя». Когда он спросил, кого я просила у Всевышнего.

Он не хочет нарушить слово, — поняла я. — Он борется с собой. Он хочет меня, но он не может.

И вдруг перед глазами встало другое лицо.

Ахмед.

Я вспомнила, как кричал на меня, когда я вышла из дома

без спроса. Как сжал кулак и поднял его, чтобы ударить. Но не ударил. Он боялся, что я убью себя. Он боялся, что я расскажу его тайну.

Я вспомнила его мать. Как она смотрела на меня, когда я молилась на коврике. Как говорила гадости, шипела, как змея:

— Ты слишком долго молишься. Ты лицемерка. Ты думаешь, что ты лучше всех?

Она не любила меня. Она хотела, чтобы я была покорной рабыней. А я не была. Я не умела быть рабыней.

Я вспомнила, как они оба смотрели на меня, когда я читала намаз. С ненавистью. С презрением. Потому что я была чище их. Потому что я не боялась их.

И я сравнила их с Акмалем.

Он не кричал на меня. Он не угрожал мне. Он не трогал меня. Даже когда мог. Даже когда я стояла перед ним в ночной рубашке, он ушёл.

Он был добр ко мне.

И я поняла, что не могу продолжать это. Я не могу соблазнять его. Я не могу играть с ним.

Он хочет, чтобы я жила как квартирантка, — сказала я себе. — Хорошо. Так и будет.

Я закрыла глаза и провалилась в сон.

Утро встретило меня серым светом.

Я встала, умылась, оделась. Хиджаб. Светлый, закрывающий всё лицо. Я хотела стать невидимой.

Я спустилась на кухню. Приготовила завтрак. Поставила на стол — для него, но сама ушла в комнату.

Я сидела на кровати и ждала.

Через какое-то время я услышала, как он вышел из спальни. Шаги в коридоре. Он прошёл на кухню. Я слышала, как он остановился. Увидел завтрак.

Я ждала, что он скажет что-то. Хотя бы «доброе утро». Хотя бы «спасибо».

Ничего.

Тишина.

Я сидела на кровати, сжимая руки в кулаки. В груди разрасталась боль. Тяжёлая, липкая, как патока.

А потом я услышала, как хлопнула дверь.

Он ушёл.

Даже не сказал: «До вечера», «Пока», «Увидимся».

Он ушёл, как уходят от чужих.

Я усмехнулась. Горько, до боли в груди.

А кто я, чтобы он мне что-то говорил? Никто. Чужая жена. Не его.

Я закрыла глаза и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ты сама этого хотела, — прошептала я. — Ты хотела быть для него просто соседкой. Вот и получай.

Я встала, подошла к окну. Посмотрела на город, который просыпался за стеклом. Чужой город. Чужой дом. Чужая жизнь.

И я здесь чужая.

Но в груди билась одна мысль: я не хочу быть чужой. Я хочу быть его.

Я хочу, чтобы он смотрел на меня. Я хочу, чтобы он говорил со мной. Я хочу, чтобы он прикасался ко мне.

Но он дал слово. И он не нарушит его.

А я... я не буду больше провоцировать его. Я не буду играть с ним. Я буду просто существовать. Три месяца. А потом — исчезну.

Я отошла от окна и села на кровать.

И в груди застыла пустота.

Глава 10

Глава 10

Я проснулся с мыслью о ней.

Всё тело ныло от напряжения. Я лежал на диване в гостиной и смотрел в потолок. В голове крутились её глаза. Зелёные, влажные. Её голос, когда она сказала: «Я просила у Всевышнего тебя». Её губы, которые я целовал вчера.

Спала ли она? Ела ли? Плакала ли?

Я провёл рукой по лицу и сел. Встал, прошёл на кухню. Остановился на пороге.

Завтрак стоял на столе.

Горячий чай, яичница, свежие лепёшки. Всё аккуратно разложено. Но её не было. Она не ждала меня за столом. Она не улыбалась, не строила глазки. Просто оставила еду и исчезла.

Я сглотнул. Комок застрял в горле. Сел, взял вилку. Начал есть.

Вкусно. Всё было невероятно вкусно. Но я не чувствовал вкуса. Я думал только о ней. Почему она не вышла? Почему спряталась?

Я доел. Оделся. Вышел из дома.

Весь день я не мог сосредоточиться.

Бумаги плыли перед глазами. Цифры складывались в её образ. Я подписывал контракты и видел её улыбку. Разгова-

ривал с партнёрами и слышал её голос.

Какого чёрта она делает со мной?

К обеду я сорвался.

Я не мог больше сидеть в офисе. Мне нужно было увидеть её. Хотя бы одним глазом. Хотя бы на мгновение. Я выбежал из кабинета, сел в машину. В голове крутилось оправдание — забыл документы, срочный звонок, что угодно, лишь бы увидеть её глаза.

Я поднялся на лифте. Открыл дверь.

В квартире было тихо.

Слишком тихо.

Первая мысль: она вышла. Пошла гулять, в магазин. Вторая — она уехала. Собрала вещи и уехала обратно к дяде. Или к Ахмеду.

Сердце ухнуло вниз. Я сорвался в её комнату.

Я ворвался, не постучав. Распахнул дверь и замер.

Она стояла у кровати. Мокрая. В одном полотенце, которое она прижимала к груди. Её волосы — мокрые, чёрные, стекали по плечам, оставляя влажные дорожки на коже. На её лице застыл испуг.

Я остановился в шаге от неё. На мгновение — одно бесконечное мгновение — я не мог дышать. Мои глаза скользнули по её плечам, по шее, по каплям воды, которые стекали по ключицам и исчезали за краем полотенца.

Я прикрыл глаза одной рукой, как будто это могло стереть её образ. Как будто это могло убрать её из моей головы.

— Извини, — выдавил я, не глядя на неё. — Я думал... я хотел... неважно.

Я отвернулся.

— Оденься и выходи, — сказал я. — Мы уезжаем.

Я вышел. Закрыл за собой дверь. Прислонился к косяку.

Сердце колотилось так, что я слышал его в ушах. Кровь стучала в висках. Ниже пояса всё стояло, требовало её. Требовало всё.

Сука, — прошептал я. — Так не пойдёт.

Я зашёл в свою комнату. Начал отжиматься. Сто, двести раз. Потом приседания. Брюки давили, и я не мог успокоиться.

Её образ стоял перед глазами. Мокрая, испуганная. Полотенце, которое едва прикрывало её тело. Капли воды на ключицах, которые я хотел слизнуть языком.

Я зашёл в душ. Включил холодную воду. Но холод не помогал.

Я закрыл глаза и представил её.

Представил, как она стоит под струями воды. Как вода стекает по её шее, по груди, по животу. Как я подхожу к ней. Прижимаю к стене. Как мои губы касаются её шеи, скользят вниз к ключицам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.